

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОСА ЛЕТНЕГО ДНЯ.....	5
ХЛЕБ ПО ВОДАМ	245

Голоса летнего дня

Посвящается Бетти Сикр

Он подъехал к дому. Красный флагок был поднят, но в доме стояла мертвая тишина.

— Пегги! — окликнул он. — Пегги!

Ответа не последовало. Ни жены, ни детей дома не было.

Он вышел и стал смотреть на океан. Волны вздымались на высоту около десяти футов; между линией прибоя и берегом, который был отмечен выброшенными на песок водорослями, кипела пена. Позади, насколько мог охватить глаз, танцевали в открытом океане барашки. Пляж был пуст, если не считать высокой девушки в черном купальнике. Она медленно шла у самой кромки воды, за ней трусили две сиамские кошки. У девушки были длинные светлые волосы, их вздымал и разевал ветер. На фоне темной воды руки и ноги казались особенно белыми, а кошки, сновавшие у ее щиколоток, создавали бледное подобие миниатюрных джунглей. Девушка находилась слишком далеко, и ему не удавалось разглядеть, хорошенькая она или нет, и в его сторону она ни разу не обернулась. Но ему вдруг страшно захотелось, чтоб она оказалась его знакомой. Тогда он мог бы окликнуть ее, увидеть, как она улыбнется в ответ, остановится и будет ждать, пока он не подойдет. И тогда бы они вместе отправились гулять по пляжу в сопровождении пары маленьких тигров под аккомпанемент прибоя. И он узнал бы, почему такая молоденькая и красивая девушка гуляет в полном одино-

чество по пустынному пляжу в этот солнечный и ясный летний день.

Он провожал фигурку глазами, и она становилась все меньше и меньше. А кошки пустынной расцветки были уже почти не видны на фоне песка. Волны отливали ярким блеском и слепили глаза. Вот она мелькнула последний раз и исчезла. И пляж снова опустел.

Купаться при такой волне было невозможно, девушка ушла, а торчать дома одному ему не хотелось. Тогда он зашел в дом, переоделся, сел в машину и поехал в город. На школьном дворе играли в бейсбол. Игра была в самом разгаре, мальчики, юноши и несколько спортсменов постарше носились под жарким солнцем. «Наверняка обогрят и пожалеют позже об этом», — подумал он.

А потом он вдруг увидел своего сына, который играл центральным филдером¹. Он остановил машину, вышел и уселся на одну из широких, нагретых солнцем деревянных скамей, стоявших вблизи третьей базы². Откинувшись на спинку, он подставил лицо солнечным лучам — высокий, быстрый в движениях мужчина с седеющей шевелюрой и выразительным властным лицом. Он был в слаксах и голубой хлопковой тенниске с короткими рукавами — довольно распространенная одежда мужчин, находящихся на отдыхе. На продолговатом лице с неправильными чертами — следы злоупотребления спиртным и переутомления, что само по себе не являлось в их среде чем-то из ряда вон выходящим.

Нет, молодым он больше не выглядел, хотя, если смотреть издали, стройная, поджарая фигура и манера быстро и легко двигаться могли ввести в заблуждение. То был зрелого возраста мужчина, тут сразу и во всем чув-

¹ Полевой игрок. — Здесь и далее примеч. пер.

² Б а з а — один из четырех углов бейсбольного поля, представляет собой квадрат со сторонами 37,5 см, заполненный мягким материалом.

ствовался опыт, особенно если присмотреться. Глаза глубоко черные, полуприкрытые тяжелыми веками, а темная полоска густых ресниц наводила на мысль о скорби, которой отмечены порой лица жителей Средиземноморья. Впечатление усугублялось оливкового цвета кожей, туго обтягивающей высокие скулы. Он обменялся приветствиями с несколькими игроками и зрителями, и впечатление о его меланхолии тут же испарилось — такая открытость и дружелюбие сквозили в голосе и манерах. Столь необычное сочетание веселого голоса и печальных черт присуще обычно людям, вынужденным часто смиряться с неизбежным. Иногда циничным, но редко — подозрительным. Он был человеком, который даже позволял обманывать себя, правда, только по мелочам, чем нещадно и бессовестно пользовались водители такси, работодатели, дети и женщины. Он всякий раз догадывался об этом, когда случалось нечто подобное, и почти тотчас же забывал.

Тем временем находившийся на поле бэттер¹ готовился отбить бросок питчера² и перебежать к новой базе. Бэттером сегодня «работал» пятнадцатилетний мальчик, слишком мелкий для своего возраста. Питчер же был парнем добрых шести футов и трех дюймов роста, в 1947-м он играл за команду «Коламбия».

Третий филдер, паренек лет восемнадцати по имени Энди Робертс, крикнул:

— Желаете на мое место, мистер Федров? Я обещал быть дома к четырем.

¹ Игрок из команды нападения, отбивающий с помощью биты броски питчера.

² Игрок обороняющейся команды, который должен вбрасывать мяч в зону страйка.

— Нет, спасибо, Энди, — ответил Федров. — В прошлом сезоне я выступил бэттером самым позорным образом и с тех пор забросил свои шиповки за шкаф.

Мальчик рассмеялся:

— Может, все же стоит попробовать? Что, если этот сезон окажется удачнее?

— Сомневаюсь, — сказал Федров. — Такое случается крайне редко, особенно после того как тебе стукнуло пятьдесят.

Бэттер отбросил биту и затрусили к первой базе. Федров помахал рукой сыну — тот находился в середине поля. Сын поднял руку в ответ.

— Энди! — крикнул Федров. — Как успехи у Майкла?

— Филдер из него неплохой, — ответил Энди. — А вот удар слабоват.

— Быстрый бег — это у нас семейное, — заметил Федров. — Однако мой отец в жизни ни разу не ударил битой по мячу.

Следующий бэттер послал длинную передачу в центр поля, и Майкл прекрасно справился, отбил ее на бегу через плечо, затем развернулся и сильным толчком послал мяч в первую базу, что заставило юношу из команды противника рвануть туда же изо всех сил, чтобы попасть на базу первым. Майкл был левшой и двигался с особой грацией, какой, как казалось Федрову, были отмечены левши во всех видах спорта. До Майкла ни одного левши в их семье никогда не было. Да и семье жены, насколько ему было известно, тоже. И порой Федров искренне дивился этому генетическому отклонению и рассматривал его как некий знак избранности, некоего особого и загадочного предназначения, хотя к добру или к злу это ведет, сказать затруднялся. Сестренке Майкла недавно исполнилось одиннадцать, и она была для своего возраста весьма хитрой и сообразительной девчонкой. Она очень любила дразнить брата.

«Левый, Левый! — нараспев кричала она Майклу, когда между ними возникали разногласия. — Старый Папа Римский Левый Первый!»

Теперь Старый Папа Римский Левый Первый дождался своей очереди бить по мячу, а потом покинул поле, подбежал к скамейке и уселся рядом с отцом.

— Привет, па. — Он ласково коснулся его плеча. — Ну, как идут делишки в грязном городишке?

— Грязно, — ответил Федров.

У него с братом был общий бизнес, связанный с заключением контрактов на строительство. И хотя в это жаркое субботнее утро на столах у каждого в нью-йоркском офисе высились груды неразобранных бумаг, причина того, что он задержался в городе, крылась совсем в другом. Он пытался помочь брату Луису утрясти проблемы с третьей женой. Тот собирался развестись, чтобы жениться на четвертой. Третья горела желанием отомстить и грозила закатить нешуточный скандал в суде. Луис был архитектором, и его причастность к миру искусства, а также привлекательная внешность делали его желанной добычей для женщин. Что, в свою очередь, постоянно вовлекало в ненужные расходы.

— Где твоя мать? — спросил Федров сына. — Я приехал, а дома никого нет.

— Бридж, парикмахерская, откуда мне знать... — небрежно отмахнулся Майкл. — Ну сам понимаешь, дамы, они и есть дамы. К обеду появится.

— Надеюсь, — сказал Федров.

Напарник Майкла покинул поле, и мальчик, взяв перчатку, поднялся и пошел занимать свою позицию.

— Майк! — крикнул ему вдогонку Федров. — Ты слишком сильно размахиваешься, когда отбиваешь высокий мяч.

— Знаю, — ответил Майкл. — И вообще я закоренелый грешник.

Майку было всего тринадцать, но он, как и его сестра, был заядлым книгоочеем, не вылезал из библиотек, что, несомненно, отражалось на словарном запасе.

Минут через пять возле первой базы разгорелся жаркий спор. И два мальчика орали друг другу, впрочем, без особой злобы:

— Ну ты, бродяга!

— Убил бы этого судью!

— Прекратите! — громко крикнул Федров и сам, как и мальчики, удивился резкости своего тона.

После этого ребята притихли, лишь изредка с любопытством косясь на него. А Федров всякий раз демонстративно отворачивался. Ему самому тысячу раз доводилось слышать этот окрик, как, впрочем, и этим ребятам. А вот объяснять, чем вызвана внезапная вспышка гнева, не хотелось даже самому себе. С того времени, как убили президента, Федров, порой сознательно, порой бессознательно, воздерживался от употребления таких слов, как «убить», «убийство», «стрелять», «револьвер». А читая что-либо, старался пропускать места, где мелькали эти слова, и избегал вступать в разговоры, где они могли прозвучать. Он был наслышан об издевательских, в духе черного юмора, комментариях в одной из далласских газет, где якобы приветствовали то роковое прибытие президента в город. И еще он читал о некоем священнике, который утверждал, будто все далласские школьники радостными криками приветствовали известие о гибели президента. А от одного нью-йоркского знакомого, футбольного судьи, слышал, что, когда через десять лет после убийства президента в Далласе играла команда из Нью-Йорка под названием «Гиганты», по завершении матча за автобусом, где ехали эти игроки, следовал по улицам открытый автомобиль. Сидевшие в нем парни и девушки громко скандировали: «Кеннеди нет, на очереди Джонсон, Кеннеди нет, на очереди Джонсон!»

«Дети... — с изумлением говорил ему судья. — Просто ребяташки, с виду такие же, как все. Прямо не верится! И никто, ни один человек, не пытался их остановить!»

Дети, просто ребяташки... Как эти мальчики, что носятся сейчас по полю. Как его собственный сын. В точно таких же синих джинсах. Они посещают точно такие же школы, слушают ту же совершенно невообразимую и жуткую, на его взгляд, музыку по радио и телевизору, играют в те же игры. Дети, которых любили родители, как сам он любил своих сына и дочь. И эти же дети, точно некое неизвестное дикарское племя, выкрикивали злобные заклинания, оскорбляя память погибшего человека, который был лучше любого из них. Похожим на которого никогда не удастся стать ни одному из них...

Да черт с ними со всеми, подумал он. Нельзя же вечно вспоминать и думать об этом.

И он усилием воли вернул себя в состояние ленивой и бездумной полуденной неги. И вскоре, убаюканный неспешным и столь хорошо знакомым ритмом игры, вновь смотрел на поле сквозь полуопущенные, нагретые солнцем веки. Сидел, откинувшись на спинку деревянной скамьи, и не особенно следил за тем, что там происходит. А мальчики продолжали перебегать с базы на базу, отбивать броски, меняться сторонами. Он видел, как сын сделал две удачные перебежки и еще одну — довольно посредственную, но не испытал при этом ни гордости, ни огорчения. Майкл был высоким для своего возраста, к тому же крепким и широкоплечим, и Федров, глядя на него, обычно ощущал присущее всем отцам чувство удовлетворения. Раскованный в движениях, смуглый от загара, он очень неплохо смотрелся на большом зеленом поле.

И вот он уже дремал. Он был одним из немногих зрителей среди длинных рядов скамей, а одна игра сменяла другую, одно поколение — другое. Они играли в бейсбол,

только много лет назад... в Харрисоне, штат Нью-Джерси, где он вырос. А позднее — в студенческих кампусах, где он никогда не был достаточно хорош, чтобы войти в университетскую сборную. И это — несмотря на умение уверенно держаться на поле и быстро бегать. Звуки были все те же, они ничуть не изменились за долгие годы. То были звуки, типичные для каждого американского лета — глухой стук биты о мяч, крики игроков внутреннего поля, сухой хлопок мяча, угодившего в перчатку, возглас питчера: «Третий промах — и ты вылетаешь!» Целые поколения американцев выросли, кружка и вертаясь возле этих баз, как и сорок лет назад, когда давно умершие мальчики были дубли, вздымалась из-под шиповок игроков пыль, нынешние знаменитости позорно ошибались, забытые друзья выковыривали налипшую между шипами глину концами бит. На протяжении десятилетий голоса тренеров тревожно предупреждали при высокой подаче: «Следи за мячом! Следи за мячом!» Отдаленные голоса детства и юности...